

Наталья Логина

«Талант актерский, конечно, дело особое. Потому что рвешь сердце, рвешь душу, каждый раз оставляя на подмостках частицу здоровья. Так и должно быть. Замечательные актеры умирали на сцене».

Актер и режиссер Московского драматического театра на Малой Бронной

ЛЕВ ДУРОВ

ставит спектакль по пьесе драматурга Найденова «Дети Ванюшина», впервые показанной на сцене век назад (в 1901 году)

АРИСТОКРАТЫ И РАЗНОЧИНЦЫ

Моск. Колосси - 2003. - 19 мая - с. 19.

СОБЕСЕДНИК

В пьесе, трактующей неизбывную тему отцов и детей, постановщик пытается разгадать и расшифровать трагедию уходящего времени, свойственную любой эпохе, любой семье. Режиссер надеется, что зрители увидят красивый, чистый спектакль, хотя, может быть, у него не будет громкого коммерческого успеха.

В декабре 2001 года Лев Дуров отметил 70-летний юбилей, в честь которого режиссер Андрей Житинкин поставил «Метеор» Дюрренматта, заняв в нем весь дуровский «клан» — самого юбиляра, его жену, дочь и зятя.

С артистом беседует кинорежиссер Гарник АРАЗЯН, который, по его словам, знаком с артистом целую вечность.

— Лева, актеров в интервью часто спрашивают: кем бы вы стали, не случись вам быть актером?

— Столяром бы стал.

— Мне-то кажется, что из тебя вышел бы выдающийся клоун.

— Выдающийся — не знаю, но хороший бы получился.

— А что такое актер?

— Актер? Человек, который помогает людям посмеяться, поплакать, сопереживать, чего они не успевают делать за суетой жизни. Для этого они и приходят в театр. Потрясение в театре — редкость. Это было, когда на сцену выходил Смоктуновский, когда на ней царил аристократизм — Качалов, Москвин, Тарханов. Мы, к сожалению, разночинцы. У меня такое грустное ощущение, что нас сменил ПТУ. Театральная культура сильно меняется. Шутли-шутли над традициями, вот они и исчезли. Но все же я думаю, что новое поколение актеров как-то старается удержаться на приличном уровне, не дать театру опуститься, как постепенно опускается все в жизни. Сколько я спорил по поводу нынешнего языка, этого фона матерного! Это уже стало «нормой». Беда! Еще немного, и залезем снова в пещеру.

А талант актерский, конечно, дело особое. Профессия непростая, потому что рвешь сердце, рвешь душу, каждый раз оставляя на подмостках частицу здоровья. Так и должно быть. Замечательные актеры умирали на сцене — Москвин, Хмелев, Добронравов. Счастливая смерть. Андрюша Миронов умер на сцене.

— Это ты о высоком. Но ведь не редкость, что актеры «съедают» друг друга и в первую очередь — режиссера.

— Неправда. Это все байки, легенда, чужья полная. Хотя, когда Товстоногов впервые пришел в БДТ, изложил свою программу и уже у двери, обернувшись, добавил: «Я забыл сказать самое главное — я несъедобен».

На самом деле никто никого не съедает. Это все досужие выдумки тех, кому это выгодно. Это опасно для театра. Вот был у нас на Малой Бронной Женя Лазарев. Ставил спектакли все хуже и хуже. Так придумал, что из театра на него идут жалобы. Ничего подобного не было и в

помине. Потом был Портнов. У него любимая девушка уехала в Израиль. Он начал ставить «Короля Лира» со мной в главной роли. И я понял, что он не знает, о чем хочет ставить, замысла у него практически никакого не было, он хотел спрятаться за спиной грандиозного театрального художника Олега Шейндиса. Я ему это в лицо говорил. Потом он тоже уехал в Израиль. А все приписывают нам.

Следующий был Женювач. Это литературный театр. Он потребовал, чтобы с ним заключили бессрочный договор. Сказали: нет, на год, как полагается. Он сказал: нет, бессрочный. Ему сказали: до свиданья.

— Но до этого у вас были другие режиссеры: Дунаев, Эфрос.

— Тех трогать не будем. Это очень сложная история. Все равно Эфрос был лидером, а Дунаев был главным режиссером. А то, что случилось недавно с Андреем Житинкиным, отражает все происходящее в стране, грубо говоря, опущение нации, и Житинкин принимал в этом деятельное участие. Судя по его спектаклям, у человека нет ни сердца, ни нервов, его героев занимает один секс. Меня такая личная жизнь человека не интересует. Голубой персонаж на сцене, красный, квадратный — это дело интимное. Но когда начинают говорить, что это и есть главное в искусстве, — стоп! Не согласен.

— По этой причине многие актеры отказались у вас играть в «Калигуле»?

— А кому хочется ходить по сцене с членом из секс-шопа на шее? Словом, Житинкину было предъявлено недоверие. 28 человек проголосовали за программу, которую предложил я, 3 — за то, чтобы он остался.

— Скажи, театр должен идти на поводу у зрителя или вести зрителя за собой?

— Конечно, он не должен идти на поводу, но время такое, к сожалению, рынок диктует свои условия. Во всем мире, не только у нас. Но там эта пошлость уже приелась, а мы все никак не уйдемся. Спрос именно на нее. Ах, там голые! Всех матом кроют со сцены! Надо пойти посмотреть.

— Это в наши дни называется кассовый спектакль.

— Я уже устал острить на тему, как мне стать скандальным режиссером. Вот идет спектакль «Лиса и виноград». Нормальный спектакль. И если я в фонтан, который бьет во двореке, посажу голых героинь, дам им сотовые телефоны и заставлю заниматься на тренажерах? Но текст менять не буду. Придраться не к чему. И все побегут, скажут, надо же Дуров-то на старости лет... Не хочу! Так и свихнуться недолго.

— Лева, а что в наши дни значит слава? В советские времена это давало многое, хотя бы колбасу можно было купить с черного хода.

— Что говорить, сам покупал.

— А сейчас что дает?

— Да я всегда к этому с иронией относился. На этот счет хорошо сказал Жерар Филлип: когда ты молод, тебе

хочется, чтобы тебя узнавали на улицах, а когда тебя начинают узнавать, ты покупаешь черные очки, чтобы не узнавали.

— Кто, по-твоему, должен стоять во главе театра?

— Художественный лидер, художественный диктатор! Тот же Товстоногов был художественным диктатором.

— Такие есть сегодня?

— Нет. Хотя есть, есть — Марк Захаров, Олег Табаков, Галина Волчек. Художественный лидер, во-первых, должен иметь свою программу, во-вторых, уметь управлять. Создавать в театре определенный климат. Это очень трудно. И в то же время отстаивать самые простые вещи, которые называются дисциплиной, и пресекать действия тех, кто пытается использовать театр в своих интересах.

— Ты сам любишь играть только главные роли?

— Да нет. У меня главных ролей было не так уж много.

— Минуточку. В свое время, когда Эфрос был в Японии и узнал, что Куросава хочет снимать «Короля Лира» и трех его дочерей поменять на трех сыновей, он подумал, а что если Фальстафа предложить сыграть Яковлевой, а миссис Пейдж — Дурову? Но тут же отбросил эту мысль, потому что Дуров откажется — не потому, что это женская роль, а потому — что не главная.

— Да ладно, ему просто хотелось красиво сказать. Что, я у него играл только главные роли?

— Ты больше актер или режиссер?

— Актер, конечно. Кое-что понимаю в режиссуре. Потому что у меня школа Эфроса. Я знаю психологический разбор, а этого почти ни один режиссер не знает. Хвастаюсь!

— Когда ты работаешь с актерами, бывают ссоры?

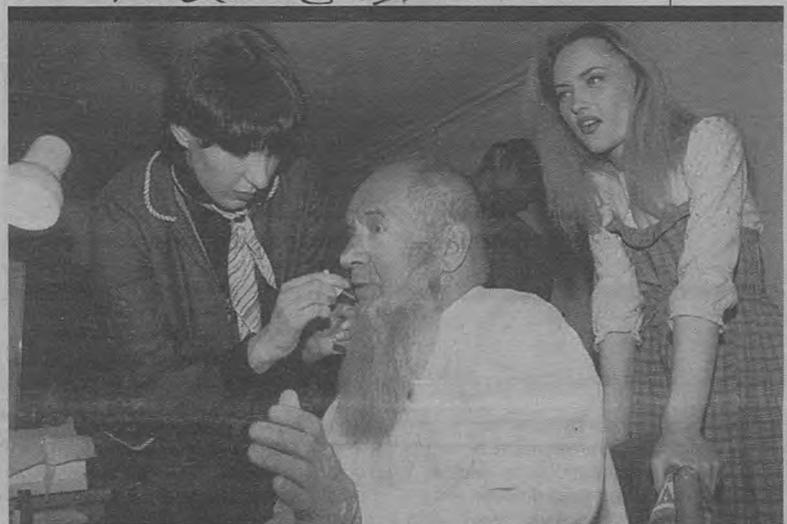
— Никогда в жизни! Ну, кричишь иногда от безысходности, или сам не можешь толковать актеру, или актер не в форме. Я человек отходчивый, на актеров не обижаюсь.

— А на членов семьи? Ведь Ирина Николаевна Кириченко, твоя жена, Екатерина Дурова, дочь, Владимир Ершов, зять, все работают у тебя в театре, и с кем я ни говорил, все в один голос заявляли, что никакой зависти к ним не испытывают — в смысле получения ролей, занятости и пр. Это ты их так воспитал?

— Нет, они сами такие. Катю вообще все обожают. Она ни от чего не отказывается, настоящий пахарь, всегда пойдет навстречу любому. Она очень верный товарищ. Я сам ведь очень строг и поступал иногда жестко. Как-то, распределяя роли, назначил Кириченко, а потом решил, что лучше, если вместо нее будет играть другая актриса. Жена мне ничего не сказала, наверное, рыдала по ночам, но все как-то обошлось.

— Мы начали с того, что такое актер? А что такое режиссер?

— Ой-ой-ой! Это совершенно разные профессии. Режиссер выдумывает и придумывает спектакль. Потому что

Перед выходом на сцену

Лев Дуров в юбилейном «Метеоре»

пьеса — это одно, а спектакль совсем другое. Пьесу можно и дома прочесть, и никуда не ходить. А вот как она получится на сцене? Режиссер должен актера увлекать, убеждать и пускать в странное путешествие. И должен знать: о чем? зачем? Обязательно!

— Как ты относишься к критикам?

— Плохо!

— Почему?

— Министр культуры Швыдкой однажды хорошо сказал: «Современная критика — это или реклама или расправа». Лучше не придумывай. Тебя могут оскорбить, а ты беспомощен. Берем две статьи. Одна разгромная, унижает актеров. Другая — возносит до небес. Да кто вы такие? Почему я должен к вам прислушиваться? Вот одна популярная газета дала пять публикаций о нашем театре. И ни разу меня не пригласили ответить, ни разу! Пригласите меня, и я вам все расскажу. А так — что я с вами буду вступать в полемику? Да никогда.

Есть, конечно, и высокопрофессиональные критики, которые определяют общественное мнение в театральной сфере, в своем роде ориентируют публику.

— Лева, ты не устал играть в театре?

— Как устану, так уйду.

— Я как-то спросил об этом Джигарханяна, он ответил: да, устал.

— Устал, а в день играет по пять спектаклей в двадцати шести театрах. Пускай не врет. Это он кокетничает. А ты знаешь, у кого Джигарханян начал играть?

— Если не ошибаюсь, то у Эфроса?

— А вот и нет! Первый спектакль он играл у Дурова — «Страх и отчаяние Третьей империи». Играл просто блистательно. Как-то я спросил: «Армен, ты помнишь?» Он ответил: «Армяне добра никогда не забывают».

— Верна ли формула: «Искусство требует жертв»? И если верна, какая жертва ему нужна?

— Здоровье надо класть и не думать о последствиях. Я, например, в «Брате Алеше» терял два-два с половиной килограмма за спектакль, а там движений практически не было никаких, только психологическая нагрузка.

— Лева, тебе не хочется сейчас погонять голубей?

— Хочется. Я вчера шел мимо большой голубятни. И вижу — и голубятня у них сделана не так, и голуби неправильно подобраны.

Наталья Логина

ИТАР-ТАСС